

Раздел Палестины и образование Израиля

Период с 1929 по 1947 год в Палестине, особенно с началом арабского восстания, часто описывается в историографии как долгая вялотекущая гражданская война, где напряжения и столкновения происходили как внутри сионистского лагеря, где усилилось соперничество между разными течениями, так и среди арабского компонента. Для Британской империи Палестина стала важным элементом стратегического механизма (*«imperial defence»*), обеспечивая связь по суше между Восточным Средиземноморьем, Персидским заливом и Индийским океаном; в то же время усилились сомнения о возможности поддерживать обязательства, взятые Британией перед двумя национализмами накануне первой мировой империалистической войны (Dan Diner, *“Tutta un'altra guerra”*, 2022).

Мировой экономический кризис и угроза нового конфликта – первой трещиной в послевоенном порядке стала японская оккупация Маньчжурии в 1931 году, затем взлёт нацизма в Германии и война в Эфиопии в 1935 году¹, – усилили среди англичан точку зрения, что мандат над Палестиной являлся скорее *«бременем»*, чем *«преимуществом»*. По оценкам как вооружённых сил, так и Министерства по делам колоний, Лондон столкнулся в Палестине с *«неразрешимым конфликтом»*, аналогичным конфликту между католиками и протестантами в Ирландии с 1919 по 1922 годы (D. Diner, op. cit.; T. Segev, *“One Palestine, complete”*). Подавление крупного арабского восстания привело к гибели около 2000 человек, среди которых было 400 евреев и 150 британцев; Лондон, особенно после отправки маршала Бернарда Монтгомери в 1938 году, использовал методы, похожие на те, что будет применять Франция во время войны в Алжире (1954–1962). Внутри сионистского движения, особенно с 1938 года, по словам Сегева, усилилась конкуренция между ревизионистским и лейбористским течениями *«за гегемонию не над одним только движением, но и над будущим еврейским государством»*.

В арабском лагере Великий муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни вёл внутреннюю борьбу против династии Нашашеби, организуя заказные убийства (I. Pappé, *“A history of modern Palestine”*, 2014). Тем не менее, и сионисты, и арабские националисты старались избежать разрыва с Лондоном. Хусейни был вынужден бежать сперва в Бейрут, затем в Дамаск, и, наконец, в Багдад, после попытки заручиться поддержкой арабских стран, уже получивших формальную независимость от Англии (Египта, Ирака и Саудовской Аравии), чтобы вынудить Лондон отказаться от декларации Бальфура и остановить еврейскую иммиграцию в Палестину. Панарабские призывы вызывали беспокойство в Лондоне на фоне растущих симпатий арабов к фашистской Италии и нацистской Германии.

Комиссия Пиля и “насильственное переселение”

Как пишет Сегев, пронемецкие и проитальянские настроения в арабском мире и в Палестине, начиная с 1939 года, были зеркальным отражением позиций сионистского движения в отношении британского правительства в 1917 году. Лондон разработал не менее *«десятка планов раздела»* Палестины в 1930–1940-е годы. Наибольшую известность получил план комиссии Пиля, опубликованный в 1937 году, который предполагал создание двух государств и международной администрации в Иерусалиме. Сионистское руководство приняло его с осторожностью, в то время как арабы отвергли.

Давид Бен-Гурион, однако, рассматривал его как *«декларацию независимости»* еврейского государства, поскольку план вводил формулу *«принудительного переселения»* арабского населения: за образец брался обмен населением между Турцией и Грецией в 1923 году по итогам греко-турецкой войны между Афинами, поддержанными Лондоном, и националистами Кемали Ататюрка. С самого начала 1930-х годов, по словам Сегева, еврейское руководство разрабатывало планы переселения арабского населения, обсуждая, должно ли оно быть *«принудительным или добровольным»*; однако добровольное переселение понималось не как *«индивидуальное желание»*, а на основе *«соглашения между государствами»*.

Идея переселения укрепилась в 1940-е годы. Перед смертью от сердечной болезни Владимир Жаботинский, действовавший в США, заявлял, что *«мир привык к идее массовых миграций: Гитлер, как бы он нам ни был отвратителен, сделал эту идею популярной в мире»*. Эту позицию укреплял и растущий отказ со стороны арабов принять создание еврейского

государства в Палестине. Это сделало эфемерными предложения о «*двунациональном решении*», выдвинутые «умеренными сионистами», такими как «Брит-шалом» («Союз мира»)², которым симпатизировала, например, семья Шокен немецкого происхождения, по сей день владеющая газетой «Гаарец»³.

Том Сегев в книге с трагически ёмким названием «Седьмой миллион» рассматривает вопрос о том, «как Холокост повлиял на историю Израиля». Мы не будем углубляться в этот крайне деликатный и неизбежно противоречивый вопрос; остановимся на основной мысли автора: Сегев оспаривает тезис о том, что Холокост стал основополагающим событием для создания Израиля. Он был использован как «*дипломатический инструмент*» сионистским руководством, ставшим «*палестиноцентричным*», которое вытеснило Хаима Вейцмана, а вместе с ним и приоритет, отдаваемый отношениям с Лондоном. И Бен-Гурион, и ревизионисты «*прагматично*» считали, что ни «*ишув*» (еврейское поселение), ни воюющие державы не могли сделать достаточно для «*спасения диаспоры*» от уничтожения нацистами, поэтому приоритетом стало создание государства Израиль. Как утверждает Сегев, этот вопрос выявил «*раскол*» между лейбористским руководством и выжившими при нацистах, многих из которых вынудили эмигрировать на земли будущего Израиля или вербовщики сионистских организаций, или державы-победительницы. Сионистскому руководству потребовалось десятилетие, чтобы интегрировать выживших в концлагерях, и это стало частью израильского морального фактора и подхода к внешней политике.

Политика Лондона, который накануне второй мировой войны подтвердил свои предложения о разделе, отложенные до 1949 года, заключалась в том, чтобы успокоить арабские настроения. Подписывая в 1939 году Белую книгу, согласно которой любая дальнейшая еврейская иммиграция приостанавливалась, премьер-министр Невилл Чемберлен подчеркнул, что если Лондону придётся разозлить кого-нибудь, то лучше уж это будут евреи.

Движение к независимости

Арабы, по мнению Сегева и других историков, допустили «*серьёзную тактическую ошибку*», отвергнув раздел, поскольку британское предложение позволило бы им «*выиграть время*» для подготовки к войне, которую к тому времени все уже считали «*неизбежной*». Второй ошибкой арабов был поиск сотрудничества с режимами Муссолини и Гитлера. В 1941 году Великий муфтий добился аудиенции с обоими лидерами, но не добился никаких конкретных обязательств со стороны этих двух держав. В апреле – июне 1941 года, как вспоминает Динер, англичане свергли пронацистские правительства в Ираке и Иране, аналогично они поступили с вишистскими силами в Сирии и Ливане. Хусейни, который получил поддержку прогерманских сил в Ираке, был вынужден бежать сперва в Рим, а затем в Берлин. Там он в сотрудничестве Генрихом Гиммлером способствовал вербовке в ряды СС мусульманских боевиков из Боснии и Албании, которые сыграли роль в борьбе с партизанами в Югославии и в уничтожении еврейских меньшинств в Албании. Бежав из Берлина незадолго до входа русских войск, Хусейни нашёл убежище в Каире. Здесь в 1944 году по инициативе британцев был устроен центр Лиги арабских государств⁴. Англичане отказались арестовывать Хусейни, чтобы не провоцировать конфликт с египетской монархией и арабским миром в целом.

Итоги второй мировой войны, трагические для еврейской диаспоры Европы, стали фактором ускорения экономического и промышленного развития в Палестине: положение главной логистической базы в Восточном Средиземноморье способствовало развитию «*сотни промышленных предприятий*» (Diner, *op. cit.*). Уже в 1918–1939 годах Лондон вложил средства в инфраструктурные проекты, такие как расширение порта Хайфа, сеть автодорог в направлении Ирака и Персидского залива, и железнодорожная сеть. Как напоминает Бенни Моррис, с развитием перерабатывающей промышленности Хайфа стала также крупным городским центром, в котором была сильна арабо-еврейская рабочая солидарность, особенно на заводах британской Iraq Petroleum Company. Эта классовая солидарность была разрушена в результате террористических актов со стороны арабов и евреев (B. Morris, «*Righteous victims*», 2001; I. Pappé, *op. cit.*).

“Сезон охоты” и война за независимость

Сионистский конгресс, состоявшийся в мае 1942 года в отеле “Билтмор” в Нью-Йорке, считается поворотным моментом, когда лейбористское руководство изменило пробританский курс на проамериканский. Бен-Гурион был убеждён, что создание еврейского государства зависит от исхода войны (D. Diner, *op. cit.*). Тем не менее, как и в 1917 году, он предоставил союзникам еврейских военных, оглядываясь на поддержку, которую оказывали Британской империи другие антиколониальные движения, например, Махатма Ганди и Индийский национальный конгресс. Поскольку с 1944 года “Лехи” (так называемая “Банда Штерна”) и “Иргун” начали террористическую кампанию против британцев⁵, лейбористы перешли к политике сочетающей сотрудничество и сопротивление в отношении английских властей, особенно боясь того, что после решения 1947 года о выводе британских войск в Палестине случится «вакуум власти» в административных структурах. И Сегев, и Колин Шиндлер (“*The rise of the Israeli right*”, 2015) подчёркивают, что националистическое столкновение между еврейскими течениями хотя и несло в себе риск «гражданской войны», во многом было конкуренцией за «патриотическое доверие».

В 1944–1945 годы лейбористское руководство поддержало британские репрессии против “Иргуна” и “Лехи”, которые вошли в историю как «сезон охоты». Однако они тайно поддерживали обе группы в их «контртеррористических» действиях против арабов, отправив на подмогу свои особые отряды “Пальмах”. Пальмахники, как пишет Сегев, сочетали в себе эгалитаризм *кибуцников* – членов аграрных кооперативов, – «пуританские обычаи» и «большое восхищение Сталиным». Он также обращает внимание, что к 1947 году Лондон окончательно пришёл к выводу о снижении стратегической ценности мандата. Англия вошла в Палестину, движимая не «экономическими интересами», а по совокупности факторов; теперь именно «экономические соображения» и упадок международного положения Британии, ускорившийся по итогам второй мировой войны, вынудили её «уйти со сцены».

“Палестинские” катастрофы

“Пальмах”, “Хагана”, “Иргун” и “Лехи” были интегрированы в национальную армию в 1947 году. Однако, как пишет Моррис, в ходе арабо-израильского конфликта 1947–1948 годов правые полувоенные формирования считались «враждебными» к “Хагане” (“1948”, 2004). В секретном докладе правительству информационные службы “Хаганы” сообщали, что в результате действий “Иргуна” и “Лехи” «от 15 % до 20 % арабского населения» было выдворено из своих деревень.

Конфликт разделяется на две фазы. В феврале 1947 года Лондон объявил о выводе своих войск из Палестины, а в ноябре Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 181 о её разделе, которую поддержали основные державы, но отвергли Британия и Лига арабских государств. С декабря началась фактическая гражданская война, с арабскими атаками и еврейскими ответными действиями. В январе 1948 года в Палестину начали прибывать арабские нерегулярные войска, которые в марте смогли взять в осаду Тель-Авив и Иерусалим. “Хагана” начала получать оружие из Чехословакии⁶, и сионистское руководство разработало так называемый план “Далет”, который предусматривал защиту границ и возможное уничтожение арабских деревень на территории еврейского государства, которые было тяжело контролировать. Илан Паппе (“*The ethnic cleansing of Palestine*”, 2007) и многие палестинские историки считают его планом по изгнанию арабского большинства. Моррис, представитель течения израильских “новых историков”, впоследствии перешедший на неоконсервативные позиции, считает *накбу* (дословно «катастрофу» – исход 700.000 палестинцев) частью динамики военного противостояния в условиях сильно перемешанного населения. Он признаёт, что на счету еврейской армии по меньшей мере сорок массовых убийств, из которых самой известной стала резня в деревне Дейр-Ясин, а также преднамеренное уничтожение сотни других деревень.

По поводу «концепции переселения» Моррис указывает на роль сионистской идеи о необходимости «демографического большинства» для новорождённого государства Израиль. Он также подчёркивает, что Бен-Гурион не отдавал «письменных инструкций» и не выступал официально в поддержку этой идеи, что могло бы возложить политическую или моральную ответственность на государство Израиль. Он подчёркивает, что сионистское руководство изучало, в качестве предосторожности, исторические прецеденты, такие как

переселение греков и турок в 1923 году, а также армянский и курдский вопросы в 1925 и 1926 годах. Он добавляет, что практика депортаций вызвала оживлённые дебаты внутри различных течений МАПАЙ, партии рабочих (B. Morris, "1948", "Victims"). Эли Барнави считает, что решения Бен-Гуриона продиктованы соображениями *«realpolitik»*, перед лицом арабского компонента, который мог действовать, даже в качестве меньшинства, оставшегося на израильской территории после раздела, как *«пятая колонна»* враждебных арабских стран ("Storia d'Israele", 1995).

Второй фазой конфликта стала интервенция регулярных арабских сил (май 1948 года – июль 1949 года). Их плохая координация, а также лучшая подготовка и численное превосходство еврейских военных формирований, численность которых возросла в ходе конфликта, определили победу Израиля.

Война 1947–1948 годов была самой кровопролитной в истории Израиля: порядка 6.000 убитых среди военных и гражданских, 1 % еврейского населения. Жертвы с арабской и палестинской стороны оцениваются в 5–15 тысяч человек. Родосские соглашения о перемирии, подписанные Израилем с февраля по июль 1949 года по отдельности с каждой из противостоявших арабских стран, определили границы, остававшиеся неизменными до войны 1967 года: Израиль сохранил за собой 78 % территории подмандатной Палестины, а остальное оккупировали Египет и Трансjordания. Израиль увеличил свою территорию на 30 % по сравнению с планом ООН.⁷

Сегев подчёркивает, что план ООН сам по себе косвенно подразумевал динамику выселения. То же происходило в конце второй мировой войны: не только с выселением 12 миллионов немцев, но и с *«принудительной репатриацией»* поляков, украинцев и других меньшинств в Восточной Европе как до, так и после Ялтинских соглашений (K. Lowe, "Savage continent", 2013). С 1947-го по 1950 год новорождённый Израиль, помимо интеграции выживших после нацистского истребления, вёл переговоры с Польшей, Румынией и Венгрией о переселении их еврейских меньшинств *«по высокой экономической цене»* в виде торговых уступок.

Израиль в противостоянии за Средний Восток

С 1949-го по 1956 год, пишет Моррис, Израиль вёл *«долгую пограничную войну»*, в том числе с *«карательными вылазками»* на иорданскую территорию, и не только чтобы помешать проникновению палестинских крестьян, многие из которых даже не собирались участвовать в герилье. Вину за поражение палестинцев и арабов в войне 1948 года можно объяснить как отсутствием реального лидерства, поскольку фигура Великого муфтия была уничтожена по итогам войны, но также и разными расчётами арабских стран.

Тезис Ави Шлаима, другого представителя израильской школы "новых историков", указывает на династические интересы Иордании, по сути, на *«сговор»* с Израилем в разделе Палестины: Цисиордания была аннексирована хашимитским королевством в 1950 году. Также Шлаим указывает на соперничество за лидерство в панарабизме между Ираком, Иорданией, Египтом, Сирией и Саудовской Аравией и на территориальные интересы соседних с Израилем стран, которые, по мнению Шлаима, пытались заключить двусторонние мирные соглашения, но часто оказывались связаны *«панарабскими обязательствами»* в рамках *«фронта отказа»* от признания еврейского государства (A. Shlaim, "Collusion across the Jordan", 1988; "The Iron Wall", 2001). Другими словами, и палестинский национальный предлог, и еврейский национальный предлог использовались как арабскими буржуазиями в их соперничестве между собой, так и в противостоянии империализмов.

Второй арабо-израильский конфликт в октябре 1956 года стал результатом сговора Франции, Великобритании и Израиля в контексте Суэцкого кризиса, вызванного национализацией канала режимом Гамалы Абделя Насера. Для Израиля это была превентивная война, так как он опасался усиления военной мощи Египта. По словам Барнави, Бен-Гурион считал Египет *«единственным настоящим государством»* в регионе, наряду с Турцией и Ираном: другие арабские режимы были простыми коалициями *«племён и кланов»*. Франко-британско-израильский *«сговор»* был нацелен на дестабилизацию или свержения режима Насера, который поддерживал борьбу за независимость в Магрибе, особенно в Алжире, и угрожал не только англо-французскому контролю над Суэцким

каналом, но и британским позициям в Иордании. Операция встретила совместное сопротивление Вашингтона и Москвы, которые её заблокировали, что привело к падению правительства Энтони Идена. По мнению Джеймса Барра, Лондон неверно понял степень враждебности Вашингтона к Насеру, когда администрация Эйзенхауэра разрешила ЦРУ оценить последствия его устранения. Лондон решил пойти на риск на фоне предвыборной кампании в США и подавления Москвой венгерского восстания. Вашингтон вынудил Британию отступить, спровоцировав кризис фунта стерлингов и угрожая нефтяным эмбарго. Москва пригрозила военным вмешательством (J. Marr, *"Lords of the desert"*, 2018; W. Bass, *"Support any friend"*, 2003).

Период 1945–1957 годов, по оценке многих израильских историков, также был апогеем франко-израильских отношений и вообще связей с Европой, которые поддерживали Шимон Перес и Бен-Гурион. Франция не только сотрудничала с еврейским государством по ядерному вопросу, но и была главным поставщиком оружия в страну. Конфликт 1956 года закончился военным поражением Египта, но сделал из Насера лидера в арабском мире, создав предпосылки для конфликта 1967 года. Тем не менее, по мнению Барнави и Витторио Дан Сегре (*"Le metamorfosi di Israele"*, 2006), он предоставил десятилетнюю передышку Израилю, который был занят интеграцией миллиона иммигрантов из сефардской диаспоры, прибывших из арабских стран (йеменские, иракские, марокканские евреи) и Ирана, после того как добился соглашения с ФРГ о военных репарациях.

Иммиграция "мизрахи" и "гуш эмуним"

Соглашение между Бен-Гурионом и Конрадом Аденауэром вызвало жесточайшие протесты в Израиле, лидером которых был Менахем Бегин, который в 1943 году возглавил ревизионистское течение и стал секретарём "Херута", правоцентристской политической партии. Только в 1960 году ревизионистское течение присоединилось к центральному профсоюзу "Гистадрут". До 1967 года, когда накануне Шестидневной войны было образовано правительство национального единства, на политическом поле Израиля доминировал центризм, основанный на альянсе МАПАЙ с религиозной партией МАФДАЛ. Экономика во многом приобрела государственно-капиталистические или сильно дирижистские черты, в том числе в связи с необходимостью обеспечить экономическое развитие и интеграцию новых иммигрантов, называемых в израильской социологии *мизрахи* или *мизрахим* (восточные).

Этот компонент, с чертами и характеристиками, отличными от ашкеназов — выходцев из Центральной и Восточной Европы, в течение 1960-х и 1970-х годов стал основной массовой базой для израильского правого центра в условиях борьбы за наследство Бен-Гуриона внутри МАПАЙ. Абитболь пишет, что *мизрахим* выступали против доминирования ашкеназов в госструктурах, представляя широкие слои израильского пролетариата, который находился в условиях, по сути, экономической подчинённости или даже дискриминации. "Гаарец", к примеру, описывал иммигрантов йеменского и марокканского происхождения почти расистскими фразами, называя их «*больше арабами, чем евреями*» из-за их обрядов, обычаев и происхождения из низших слоёв пролетариата. По мнению Барнави, «*марокканские иммигранты*» в особенности оказались наиболее нетерпимыми к социальной дисциплине, установленной лейборизмом. В начале 1970-х годов именно мизрахим сформировали социальное протестное движение, известное как "Чёрные пантеры", боевиком которых был и Паппе. Это была явная отсылка к афроамериканскому милитантству, возникшему в гетто США.

Второй силой, возникшей после победы в войне 1967 года, стало национал-религиозное движение *гуш эмуним* (блок веры), социальной базой которого был лейбористский средний класс. Оно основывалось на национал-мессианской концепции государства Израиль, продвигая колонизацию оккупированных территорий. Этому движению симпатизировали представители лейбористов, такие как Шимон Перес и Моше Даян, которые считали его новым воплощением духа «*сионистского пионерства*» начала XX века. В 1965 году эти два представителя «*молодой лейбористской гвардии*», которых Бен-Гурион считал своими наследниками, последовали за ним при расколе МАПАЙ, создав РАФИ. *Гуш эмуним* был сформирован в 1970 году и находился под влиянием бывших учеников раввина Цви Иегуды Кука, который считал всё произошедшее с еврейским народом от Холокоста до создания

Израиля и победы в войне 1967 года «предпосылками искупления», и, следовательно, исполнением библейского пророчества (М. Abitbol, *"Histoire d'Israël"*, 2024; I. Zertal, A. Eldar, *"Lords of the land"*, 2007).

Июль – август 2024 г.

¹ - Вторая Итало-эфиопская война 1935–1936 гг.

² - Организация возникла в 1925 году и в середине 1930-х прекратила деятельность.

³ - Газета была основана британскими оккупационными властями в 1918 году. В 1919-м стала выразителем взглядов сионистов-социалистов, эмигрировавших из России, а в 1937-м её купила семья Шокен, переехавшая в Иерусалим после прихода в Германии к власти нацистов.

⁴ - Лига арабских государств была создана 22 марта 1945 года на основании подписанного 7 октября 1944 года в Александрии протокола. Штаб-квартира Лиги находится в Каире.

⁵ - "Иргун" стал считать Великобританию своим врагом после принятия "Белой книги". После смерти Жаботинского в 1940 году в "Иргуне" произошёл раскол. Отколовшаяся фракция, "Лехи", во главе с Авраамом Штерном и Ицхаком Шамиром, считала главным врагом англичан и предлагала нацистской Германии свою помощь в борьбе с ними. Основная часть "Иргуна", во главе с Давидом Разиэлем, предпочла на время войны с нацизмом сотрудничать с англичанами. С приходом в 1943 году к руководству организацией Менахема Бегина ситуация изменилась, и 1 февраля 1944 года, несмотря на продолжавшуюся войну с Германией, он провозгласил «восстание», расширив операции и на Великобританию.

⁶ - СССР оказал не только политическую, но и активную военную помощь рождению государства Израиль. Прямых поставок вооружений из СССР не было, хотя такие просьбы и поступали в Москву. Для этого использовалась Чехословакия, поставлялось в основном оружие германских образцов. Частью – трофейное, частью – произведённое в самой Чехословакии, которая в период оккупации выпускала немало оружия для Третьего рейха. Жорес Медведев писал, что в Израиль прибывало не только оружие, но и военные специалисты, имевшие опыт участия в войне против Германии. Секретно отправлялись в Израиль и военные офицеры СССР. Павел Судоплатов утверждает, что использование офицеров разведки СССР в боевых и диверсионных операциях против британцев в Подмандатной Палестине было начато уже в 1946 году. Несколько сот добровольцев из СССР, преимущественно демобилизовавшихся офицеров, воевали в составе корпуса МАХАЛ. Ицхак Шамир отмечал, что большую роль в войне за независимость сыграли добровольцы-евреи, ранее служившие в армии СССР.

⁷ - Израиль увеличил свою площадь с 14 до 20 тыс. кв. км.